

БЛОК И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

(«М. И С. САБАШНИКОВЫ», «АЛКОНОСТ»)

Сообщение С. В. Белова

С 1891 по 1930 г. в Москве существовало известное русское издательство М. и С. Сабашниковых. По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин называл его одним из наиболее культурных русских частных издательств¹.

Во главе издательства стояли братья Михаил Васильевич (1871—1943) и Сергей Васильевич (1873—1909) Сабашниковы. С самого начала издательство Сабашниковых ставило перед собой не коммерческие, а просветительские цели. Издательством Сабашниковых в начале XX в. было выпущено несколько серий изданий художественной литературы, которые тщательно подготавливались видными филологами, переводчиками и снабжались научными комментариями.

Знаменитая издательская серия Сабашниковых «Памятники мировой литературы» включала произведения классических авторов: Софокла, Еврипида, Лукреция, Овидия и других, литературу Древнего Востока, русские былины, карело-финский эпос «Калевала», скандинавскую «Эдду» и т. д.

В издательстве Сабашниковых вышли сборники по истории русской литературы — «Русские Пропилеи» под редакцией М. О. Гершензона, серии книг «Страны, века и народы», «Ломоносовская библиотека».

С 1909 г., после смерти С. Сабашникова, издательство возглавлял один Михаил Васильевич. После Великой Октябрьской социалистической революции издательство Сабашниковых продолжило свою культурную миссию. Оно было одним из немногих частных издательств, не национализированных Советской властью. Наибольшую известность из советских изданий Сабашникова приобрела серия дневников и историко-литературных мемуаров «Записи прошлого» под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. В этой серии были изданы «Дневники» В. Я. Брюсова, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. А. Кузминской, «Дневники» С. А. Толстой, «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей» П. И. Бартенева и многие другие ценные книги.

В 1930 г. издательство Сабашниковых было преобразовано в кооперативное московское издательство «Север»².

С 1917 по 1922 г. под редакцией М. О. Гершензона и С. А. Венгерова Сабашников выпускал научно-популярную серию «Пушкинская библиотека». В одном из документов, сохранившихся в архиве издателя, указывается, что издание должно состоять «из избранных произведений изящной словесности, русской и иностранной, по преимуществу романистов XIX века, и других писателей, дающих занимательное, легкое и изящное чтение, подходящее для широких кругов русских читателей»³.

«Пушкинская библиотека» по замыслу Сабашникова должна была состоять из двухсот прозаических и поэтических книг. Однако этот грандиозный замысел оказался неосуществленным. В письме от 18 января 1917 г. к Сабашникову Венгеров писал: «Из намеченных мною авторов я вошел в сношения относительно всех почти и на днях получу сведения о Григоровиче, Якубовиче и надеюсь выяснить, кому принадлежит Успенский и Станюкович. Переговору также со вдовой Мамина. Кроме авторов, названных мною в разговоре с Вами, я бы предложил для Вашей серии вот кого (из умерших): Авдеев, Астырев, Марко Вовчок, Хвоцинская, Максимов Сергей, Алексей Потехин, Жадорская, Жемчужников, кн. Вл. Одоевский (через 2 года кончается собственность на него), Щербина, Кохановская»⁴.

В этом же письме Венгеров сообщал о том, что А. Ф. Маркс и И. Д. Сытин отказали ему в уступке своих издательских прав на произведения умерших писателей: «На Салтыкове, Лескове и даже Альбове и Терпигореве придется поставить крест. Вольф в принципе не от-

казывается вести переговоры относительно Писемского и ждет конкретного разговора об условиях. Всего намеченного, видимо, не даст, но тома на 2, вероятно, согласится.

Дело осложнялось еще тем, что на праздновании своего юбилея — 50-летия издательской деятельности — зимой 1917 г. Сытин заявил об аналогичном плане издания избранных сочинений 26 писателей, на произведения которых ему принадлежали издательские права⁵.

В результате прозаический раздел «Пушкинской библиотеки» остался нереализованным, если не считать пробного томика Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе. Рассказ» (М., 1922).

Гершензону поручалась редакция всех поэтических книг «Пушкинской библиотеки». В архиве издательства Сабашниковых сохранилось 18 составленных им проектов сборников избранных сочинений («изборников») К. Н. Батюшкова, А. А. Григорьева, Л. А. Мея, К. К. Павловой, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. С. Хомякова и других⁶.

По замыслу Сабашникова в «Пушкинскую библиотеку» должны были войти такие же антологии стихотворений поэтов-современников. В архиве издательства сохранились договоры и переписка о подготовке «изборников» с К. Д. Бальмонтом, В. Я. Брюсовым, Вяч. И. Ивановым, Ф. Сологубом, Блоком⁷.

Однако взаимоотношения издательства Сабашникова с Блоком начались еще до составления и издания «изборника». 20 января 1918 г. Блок делает запись в своей записной книжке: «Предложение от издательства Сабашниковых переиздать „Die Ahnfrau“» (ЗК, 385).

Трагедия австрийского драматурга Ф. Грильпарцера (1791—1872) «Праматиер» («Die Ahnfrau») была написана в 1816 и впервые поставлена в 1817 г. Переведена Блоком в 1908 г., и в этом же году перевод Блока вышел отдельным изданием в книгоиздательстве «Пантеон». Перевод был выполнен по заказу В. Ф. Комиссаржевской, которая в начале января 1908 г. просила Блока перевести для ее театра какую-нибудь иностранную пьесу.

Блок получил от издательства Сабашниковых предложение переиздать перевод «Праматиери» в серии «Памятники мировой литературы». 27 января 1918 г. Блок записывает: «Пишу о „Праматиер“ в издательство Сабашниковых» (ЗК, 386). Это письмо Блока не сохранилось, но, судя по дальнейшим записям поэта, он согласился на переиздание своего перевода у Сабашниковых и начал его радикально перерабатывать.

4 мая 1918 г. Блок отмечает: «Утром — представитель Сабашниковых (предложил подписать два договора: 1) „Праматиер“, 2) избранные стихи» (ЗК, 404). Представителем московского издательства Сабашниковых в Петрограде был Николай Александрович Барановский, сын сестры Сабашникова Е. В. Барановской-Сабашниковой⁸. Это он 4 мая 1918 г. от имени Сабашникова предложил Блоку выпустить и перевод «Праматиери», и «изборник» в серии «Пушкинская библиотека».

Блок очень добросовестно отнесся к взятым на себя обязательствам — новому переводу «Праматиери» и составлению избранного томика своих стихотворений. В его записных книжках за 1918 г. встречаются записи: 6 мая: «„Праматиер“ — приготавливаю текст»; 7 мая: «„Праматиер“. Как я скверно перевел IV акт!»; 8 мая: «„Праматиер“ переведена из рук вон — IV и V акты»; 11 мая: «„Праматиер“ (Боже, кто и где я был, когда перепирал V акт!)»; 21 мая: «Праматиер»; 23 мая: «Праматиер»; 24 мая: «Праматиер» (перенесение поправок в мой экземпляр); 8 июня: «Разговор с Н. А. Барановским по поводу изборника»; 10 июня: «Выборание стихов для „изборника“ до глубокой белой ночи и головной боли»; 19 июня: «Кончен „изборник“»; 21 июня: «Утром — Н. А. Барановский: текст „изборника“» (ЗК, 405, 406, 408, 411, 413).

21 июня 1918 г. Блок в присутствии Барановского подписал договоры на издание «Праматиери» и «изборника»: «Мы, нижеподписавшиеся, Александр Александрович Блок с одной и товарищество на вере под названием „Издательство М. и С. Сабашниковых“ с другой стороны, заключили между собой следующие условия: 1) А. Блок принял на себя выбрать и составить из всех когда-либо написанных им стихотворений изборник (антологию) стихов, могущий с возможною полнотою представить все стороны его творчества, как в наивысших художественных, так и в наиболее им самим ценных достижениях...»⁹.

Блоку предоставлялось право «помещать стихотворения, включенные им в изборник, как в полные собрания своих произведений, так и при переиздании им книг и сборников, в коих они первоначально издавались»¹⁰.

Однако в дальнейшем у Блока возник проект издания драм Грильпарцера в издательстве «Всемирная литература», и в письме к Сабашникову от 17 декабря 1918 г. он просил «уступить» его перевод «Всемирной литературе»:

«Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Обращаюсь к Вам с просьбой — уступить мой перевод „Праматери“ Грильпарцера издательству „Всемирная литература“, если он еще не печатается. Аванс, который я взял у Николая Александровича (250 р.), я возьму, когда получу гонорар здесь. В случае Вашего согласия, мне необходим и тот экземпляр текста, который находится у Вас.

Очень прошу Вас сообщить, печатается ли мой „изборник“.

С искренним уважением к Вам,

Александр Блок¹¹.

В ответном письме от 6 января 1919 г. Сабашников сообщал Блоку:

«Многоуважаемый Александр Александрович.

С большим огорчением исполнил я Ваше желание и передал сегодня В. Ф. Ходасевичу, уполномоченному издательства „Всемирная литература“, Ваш перевод „Праматери“ Грильпарцера. Возвращением аванса, Вами под эту вещь взятого, благоволите не беспокоиться, ибо он сам собой погасится печатающимся у нас изборником Ваших стихотворений. Для изготовления портрета к последнему не откажите прислать мне Вашу фотографическую карточку.

Примите уверения в моем уважении:

М. Сабашников¹².

Блок ответил Сабашникову письмом от 18 января 1919 г.: «...Благодарю Вас за согласие и за позволение не возвращать Вам аванса. Текст „Праматери“ во „Всемирной литературе“ уже получен. Я очень рад, что изборник мой уже печатается у Вас...»¹³.

Однако из-за трудностей издательства в те годы блоковский «изборник» не был напечатан при жизни поэта, хотя Сабашников твердо надеялся, что ему удастся выпустить этот «изборник». Лишь 17 ноября 1921 г. один из руководителей Госиздата, Н. Л. Мещеряков, выдал издательству Сабашниковых разрешение на печатание «изборника» Блока¹⁴. Но Сабашникову так и не довелось выпустить эту книгу. Аналогичный сборник, подготовленный Л. Д. Блок, очевидно, по принадлежащему ей варианту этого «изборника», вышел в свет в издательстве «Петроград» в 1924 г.¹⁵

В архиве издательства Сабашниковых сохранился «изборник» Блока¹⁶. В нем 174 листа, из которых 41 — автографы поэта, остальные — машинописные и печатные, частично с его правкой (вырезки из прижизненных изданий его стихов). Между печатным текстом, выпущенным издательством «Петроград», и рукописью, сохранившейся в архиве издательства Сабашниковых, имеются расхождения по составу и структуре. В оригинале «изборника» (в отдельных стихотворениях) есть также разночтения с каноническим текстом¹⁷.

Гораздо более удачно сложились взаимоотношения Блока с созданным после революции издательством «Алконост», где вышли фактически почти все послереволюционные произведения поэта.

Издательство возникло в мае 1918 г. по инициативе С. М. Алянского¹⁸, выпустившего 6 июля 1918 г. тиражом три тысячи экземпляров первую книгу «Алконоста» — поэму Блока «Соловьиный сад»¹⁹.

Марка для нового издательства была сделана товарищем Алянского по гимназии, художником Ю. П. Анненковым²⁰.

Рождение «Алконоста» не прошло незамеченным. К литературным событиям этого сезона относится возникновение издательства «Алконост» (1918), — вспоминает М. А. Бекетова. — Основатель его — С. М. Алянский — случайно познакомился с Александром Александровичем, зайдя к нему по какому-то книжному делу, и предложил издать в виде пробы одну из его книг. Александр Александрович согласился на его предложение и дал тогда поэму „Соловьиный сад“, написанную в 1915 г. и появившуюся в газетах. На этот раз „Соловьиный сад“ был напечатан отдельной книжкой. Поэма настолько забылась, что даже критик Львов-Рогачевский принял ее за новое произведение Блока²¹. И далее: «Отношения Александра Александровича к Алянскому сразу приняли дружеский характер, основанный на полном доверии и симпатии. Молодой издатель, еще неопытный в своем деле, руководствовался советами Александра Александровича и быстро развился под его влиянием, приобретя почетное и прочное положение»²².

В знак благодарности за создание близкого его сердцу издательства Блок подарил Алянскому поэму «Соловьиный сад» с драгоценным автографом (см. наст. том, кн. 3, с. 23).

Но и Алянский прекрасно понимал, что именно творческому гению поэта обязано своим рождением издательство «Алконост». Поэтому на одной из первых книг «Алконоста» молодой издатель сделал дарственную надпись: «Александру Александровичу Блоку искреннему благожелателю „Алконоста“ на добрую память С. Алянский 25/IX 1918 г.»²³.

Блок до конца своих дней являлся главным идейным руководителем «Алконоста». Но Алянскому удалось привлечь к участию в издательстве также Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Федора Сологуба, Алексея Ремизова, Константина Эрберга, Михаила Гершензона, Анну Ахматову.

Алянский выпустил в «Алконосте» семь книг Белого, в том числе «На перевале. 1. Кризис жизни» (1918), сказки «Королевна и рыцари» в оформлении художника Н. Купреянова (1919), поэму «Первое свидание» (1921), четыре книги Ремизова, в том числе его «Царя Максимилиана» с рисунками Ю. Анненкова (1919), поэму Вяч. Иванова «Младенчество», «Одну любовь» Сологуба (1921), «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона, сборники Ахматовой «Четки», «У самого моря» в оформлении художника В. Замирайло (1921) и «Белая стая» (1922).

Всего в «Алконосте» за пять лет существования издательства, с 1918 по 1923 г., вышло около 50 книг, в том числе почти все послереволюционные произведения Блока. Издание произведений великого русского поэта является самой главной заслугой Алянского перед советской литературой.

Произведения Блока составляют более трети всей продукции «Алконоста». Бесспорно, на первом месте среди них следует поставить издание поэмы «Двенадцать» с рисунками Анненкова.

В своей книге «Встречи с Александром Блоком» Алянский подробно рассказал об истории создания рисунков к «Двенадцати». Первые эскизы с непонятными кубистическими знаками его настолько озадачили, что он просто побоялся показать их Блоку. И только новые эскизы решился отнести к поэту. Блоку рисунки в целом понравились, и он 12 августа 1918 г. написал Анненкову доброжелательное письмо, высказав отдельные замечания о героях поэмы Катьке и Петьке и об образе Христа (VIII, 513—514).

Но, рассказав подробно об истории рисунков Анненкова к «Двенадцати», Алянский «забыл» по скромности упомянуть, что именно он в редакционный момент «подтолкнул» художника к окончательному завершению этих рисунков. 17 августа 1918 г. Алянский писал Анненкову: «Дадите ли Вы Ваши рисунки к „Двенадцати“ или Вы раздумали. Вы понимаете, что это мне небезынтересно, так как, если издаваться будет, необходимо на сей предмет очистить средства, нужно публиковать подписку и вообще нужно сделать массу работы. Несмотря на Ваше обещание и мои к Вам мольбы, я до сих пор не могу добиться толку.

Думалось мне, что отзыв А. А. Блока Вас сильнее толкнет; на самом же деле теперь получается картина, что издавать Вы раздумали. Если это так или иначе, я должен об этом знать, а посему очень прошу сразу мне написать о Ваших планах насчет „Двенадцати“»²⁴.

Поэма «Двенадцать» с отличными иллюстрациями Анненкова вышла в «Алконосте» в конце 1918 г. Советский искусствовед и книговед А. А. Сидоров писал в 1922 г.: «Относительно Ю. Анненкова, автора иллюстраций к „Двенадцати“ Блока, та же логика книжной формы потребует самого безоговорочного признания и приветия. Вся конгениальность иллюстраций Анненкова к Блоку выступает особо разительно при сравнении петербургского издания с двумя заграничными вариантами „Двенадцати“, выполненными зарубежными представителями нашей графики. Берлинское издание „Двенадцати“ с рисунками В. Н. Масютина хотя и недостойно по некоей небрежности и беглости своего строгого мастера, но все же лучше парижского издания блоковской поэмы с довольно беспомощно-беспредметными композициями М. Ф. Ларионова»²⁵.

Один экземпляр «Двенадцати» Алянский и Анненков преподнесли Горькому, который очень доброжелательно отнесся к этому изданию «Алконоста» (VII, 351—352).

Высокой книжной культурой отличались и другие издания произведений Блока, вышедшие в «Алконосте»: «Песня судьбы» (художник А. Головин, 1919), «Ямбы» (художник Н. Купреянов, 1919), «Седое утро» (художник А. Лео), сборник статей «Россия и интеллигенция», «Катилина» (1919), «Последние дни императорской власти» (художник В. Замирайло, 1921), «Двенадцать. Скифы» (1918, с предисловием Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре») и собрание сочинений Блока, которое Алянский начал выпускать после смерти поэта совместно с берлинским издательством «Эпоха».

Очень важен и общественный резонанс послереволюционных произведений Блока, изданных «Алконостом». Первым откликом Блока на Октябрьскую революцию явилась статья «Интеллигенция и революция» (газета «Знамя труда», 19 января 1918 г.).

В 1919 г. в сборник статей Блока «Россия и интеллигенция» (изд-во «Алконост») снова включается «Интеллигенция и революция». В «Алконосте» впервые вышло очень злободневное и актуальное историческое эссе Блока «Катилина. Страница из истории мировой революции», о котором тепло отозвался Горький (ЗК, 451), а А. Белый, прочитав «Катилину», писал 12 марта 1919 г. Блоку: «Брошюра произвела на меня сильнейшее впечатление; в ней есть то, что именно нужно сейчас: монументальность, полет и всемирно-исторический взгляд, соединенный с тончайшими индивидуальными переживаниями»²⁶.

Особо следует остановиться на таком издании «Алконоста», как книга «Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок». Она была встречена несколькими положительными отзывами. «Умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма, — писал видный впоследствии советский историк революционного движения С. Я. Штрайх, — не всякому под силу. А. А. Блок счастливо избег одной из самых больших опасностей для историка такой богатой событиями эпохи — он сумел сжать свой очерк и выбрать почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро-глумящее, все бульварно-манящее»²⁷.

Все больше и больше проникался Блок симпатией и уважением к своему издателю. На книгах Блока, выпущенных «Алконостом» («Песня судьбы», «Россия и интеллигенция», «Седое утро») и подаренных поэтом Алянскому, можно прочесть трогательные надписи (см. наст. том, кн. 3, с. 24—25).

В марте 1919 г. исполнилось девять месяцев с основания издательства «Алконост». В то бурное время такой срок был огромным, и поэтому 1 марта 1919 г. в квартире Алянского в Петрограде на Троицкой улице (ныне улица Рубинштейна) был торжественно отпразднован юбилей «Алконоста». Первым на юбилей пришел Блок. Он открыл приготовленный Алянским альбом автографов приветствием: «Дорогой Самуил Миронович! Сегодня весь день я думал об „Алконосте“. Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет „Алконост“, и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет. И очень важно то, что начат он в июне (а не раньше), потому что каждый месяц, если не каждый день этого года — равен году или десятку лет. Да будет „Алконост“! Александр Б л о к 1 марта 1919»²⁸.

Несколько позже, уже в Москве, куда приезжал Алянский, оставили свои записи А. Белый и Вяч. Иванов. Сделав несколько рисунков, изображающих падение «старой эры» и путь лодки «Алконоста» к «новой эре» в «царство духа», А. Белый написал: «Линия эволюции слагается из ряда перерывов; в точке перерыва — катастрофа; внутри катастрофы — падение нового импульса. После гибели Трои Эней отправляется в странствие, чтобы потомки его основали Рим будущей эры».

В настоящее время должны понести мы все лучшее погибающей Трои в иные эпохи; и — передать дар наш грядущим: соединенье даров прошлой эры, плодов ее, с зацветающим садом грядущего есть подлинно действие посвящения. Мы, Энеи, выходили из Трои: путь — долог... На чем же нам плыть? На „Алконосте“ лежит строгий долг: совершить это плаванье. Самуил Миронович, много бурь впереди: можно сбиться с дороги; оставайтесь же у компаса! Присоединяюсь к приветствующим „Алконост“ с одним лишь условием; эти приветствия — не приветствия юбиляру, совершившему плаванье; эти приветствия — в „добрый путь!“... И — вперед! Впереди лежат годы. Андрей Б е л ы й. Москва. 8 марта 1919 года»²⁹.

Эта запись Андрея Белого переключается с более поздними дневниковыми размышлениями Блока об идейной платформе издательства «Алконост». «Издательство „Алконост“ не стесняется рамками литературных направлений, — писал Блок 2 февраля 1921 г. — Тот факт, что вокруг него соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа писателей видит размеры разворачивающихся мировых событий, наступление которых она предчувствовала и предсказывала. Поэтому она обращена лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему. Она с тревогой всматривается в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое она носит»³⁰.

В альбоме автографов авторов «Алконоста» есть еще одна, весьма важная запись Блока: «Дорогой Самуил Миронович! Вы хотите стихов. В стихах я мог бы сейчас только смеяться

и, может быть, плакать. Но я не хочу смеяться над тем, что не смешно, и плакать над тем, что грозно. Поэтому прошу Вас принять вновь и вновь только прозу. 5 сентября 1920. Александр Блок»³¹.

Не все в работе «Алконоста» шло легко и гладко. Алянскому пришлось преодолеть ряд трудностей и трений, связанных с деятельностью заведующего Петроградским отделением Госиздата И. Ионова и комиссара по делам печати и пропаганды в Петрограде М. Лисовского, которые, нарушая постановление партии и правительства о деятельности частных издательств, задерживали ряд изданий «Алконоста» или хотели их выпустить в Госиздате³².

В этот момент на помощь Алянскому пришли Горький и Луначарский. Высоко оценивая талант Блока и благожелательно относясь к «Алконосту», они сумели оказать издательству моральную поддержку, а Луначарский через литературно-издательский отдел Наркомпроса и некоторую материальную помощь³³.

Но, кроме Горького и Луначарского, был еще один человек, который на своем скромном посту сделал все от него зависящее для нормального функционирования «Алконоста». «Это было летом 1920 г., — вспоминает Алянский. — Издательство „Алконост“ приготовило к изданию пятый сборник стихотворений Александра Блока „Седое утро“. Для напечатания книги нужно было разрешение, и я отправился за ним в отдел печати Петросовета, на Невский проспект, 12 <...>

Один из сотрудников на вопрос, к кому мне обратиться за разрешением на печать книги, указал на высокого, худощавого молодого человека, стоявшего вдали, и пояснил, что это — секретарь отдела печати, что фамилия его — Федин и что он самолично выдает разрешения <...>

Признаюсь, с некоторой тревогой налагал я секретарю мое несложное дело. Секретарь выслушал меня вежливо и очень внимательно. Он тут же, при мне, сам заполнил печатный бланк разрешения, сам подписал его и передал мне, не познакомившись даже с составом сборника Блока.

Но не успел я оценить оперативность молодого секретаря и спрятать разрешение, как был остановлен его просьбой рассказать о дальнейших планах „Алконоста“ <...>

После моих ответов он буквально засыпал меня вопросами о Блоке <...> Вопросы Федина были полны преклонением перед поэтом и искренней тревогой за его судьбу, и поэтому я охотно рассказал ему все, что знал...»³⁴.

Неоднократно в личной и официальной переписке Блок отмечал, что «художественное лицо и <вдательств> „Алконост“ ему весьма близко»³⁵, что он хотел бы печататься в издательстве «Алконост», как «наиболее близком по духу к символической школе, к которой он всегда принадлежал»³⁶.

Блок почувствовал, что Алянский не просто его издатель. Он понял, это близкий ему человек, нежно ожидающий его, готовый прийти на помощь в любую минуту, искренне любящий его поэзию. «Мало я знал в своей жизни людей, способных так горячо ненавидеть всякое лицемерие, ханжество, всякую пошлость, безвкусицу, фальшь, — писал об Алянском Чуковский. — Недаром к нему так прилепился душой непреклонно суровый Блок. Нужно было слышать, каким уважительным голосом произносил его имя великий поэт. „Самуил Миронович сказал“, „Я слышал от Самуила Мироновича“»³⁷.

В своей книге «Встречи с Александром Блоком» Алянский подробно рассказывает о поездке вместе с Блоком в Москву в мае 1920 г., когда поэт выступил с чтением своих стихов на литературном вечере в Политехническом музее. Однако, подробно рассказав об этом вечере и приводя в книге много редких фотографий Блока той поры, Алянский не упомянул по скромности один факт и не напечатал фотографию, которую много лет хранил как самую дорогую реликвию. Оказывается, сразу же после поездки в Москву Блок, тронутый искренней заботой Алянского, подарил ему свою фотографию с надписью: «Дорогому Самуилу Мироновичу Алянскому на память о поездке в Москву в мае 1920 года. С дружеским рукопожатием Ал. Блок»³⁸.

Алянский был единственным человеком, не считая жены поэта, кого Блок хотел видеть в последние дни своей жизни. «В начале болезни к нему еще кой-кого пускали, — вспоминает Бекетова. — У него побывали Е. П. Иванов, Л. А. Дельмас, но эти посещения так утомили больного, что решено было никого больше не принимать, да и сам он никого не хотел видеть. Один С. М. Алянский имел счастливое свойство действовать на Александра Александровича

успокоительно, и поэтому доктор позволял ему иногда навещать больного. Остальные друзья лишь справлялись о здоровье Александра Александровича»³⁹.

«Три года в моей жизни — срок небольшой, арифметически это всего четыре сотых всей жизни, — писал Алянский 11 декабря 1960 г. Чуковскому из Ленинграда, где отмечалось 80 лет со дня рождения Блока. — А вот три с лишним года, т. е. больше тысячи дней, рядом с Ал. Ал. Блоком — это целая жизнь, это больше нормальной жизни»⁴⁰.

Много лет Алянский думал о том, как рассказать людям об этих трех самых счастливых годах своей жизни. «Через всю сознательную жизнь я пронес дружбу Блока как самый высокий и ценный подарок», — признавался Алянский через сорок лет после смерти поэта⁴¹. Это рыцарское служение великому поэту и помогло Алянскому создать удивительные по чистоте воспоминания «Встречи с Александром Блоком». «В этих воспоминаниях впервые я увидел Блока живым, — писал Алянскому старейший советский писатель И. С. Соколов-Микитов. — Встречать живым Блока мне не приходилось. Самое замечательное в Ваших воспоминаниях — их полная искренность и простота. Вы нигде не рисуетесь, не выставлете себя самого, как это делают почти все современные мемуаристы. Вы даже как-будто конфузитесь, скромно, точно и ясно описывая свидания с Блоком, печальную его смерть, единственным близким свидетелем которой Вам одному пришлось быть. Еще раз спасибо за чудесные воспоминания Ваши!»⁴².

«Только на днях прочел Ваши воспоминания (< . . >) и до сих пор не прошло вызванное ими волнение, — писал Алянскому известный исследователь творчества Блока Д. Е. Максимов. — Очень хорошо, человечно, выпукло, честно, достоверно, нежно. О Блоке писали многие блестящие люди, но Ваши воспоминания, пожалуй, самые человеческие во всем этом ряду, не всегда человеческом. Поздравляю Вас с большим успехом (< . . >) Радуюсь, что написали это именно Вы — лучший человек среди тех, кого объединяет имя Блока»⁴³.

Все книги Блока, как правило, выходили в «Алконосте» тиражом в несколько тысяч экземпляров. По тем временам это считалось много. В 1960 г. в издательстве «Художественная литература» вышел тиражом в 200 000 первый том нового восьмитомного собрания сочинений Блока. Узнав об этом, Алянский послал радостное письмо составителю этого тома В. Н. Орлову. Алянский писал, что Блок принял бы такой фантастический тираж своих стихотворений за шутку. А когда на вечере в Литературном музее, посвященном памяти Блока, Орлов сказал, что издание произведений великого поэта — огромная заслуга Алянского перед русской литературой, то присутствовавший на вечере Самуил Миронович растрогался до слез⁴⁴.

А ведь были еще «Записки мечтателей»...

«В начале 1919 года „Алконост“ решил приступить к изданию своего журнала, — вспоминает Алянский. — Долго между писателями Петербурга и Москвы обсуждался вопрос о характере журнала, и в конце концов все согласились на том, что он должен носить характер дневников писателей, а название ему было дано „Записки мечтателей“.

Возник вопрос об обложке. Казалось неуместным давать к этому изданию конструктивистскую или кубистскую обложку (что было тогда модным). Посоветовавшись с Блоком, мы решили воспользоваться воскресными поездками Мейерхольда к Головину в Царское Село и просить крупнейшего театрального декоратора сделать нам обложку к „Запискам мечтателей“»⁴⁵.

В «1919 г. с обложкой А. Я. Головина вышел в издательстве „Алконост“ первый номер журнала „Записки мечтателей“. Всего Алянский выпустил шесть номеров этого издания. В „Записках мечтателей“ увидели свет произведения Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Ахматовой, А. Ремизова, В. Ходасевича, Е. Замятина, Н. Павлович, К. Чуковского, М. Гершензона, М. Шагинян, В. Зоргенфрея, Ф. Сологуба.

Программу нового журнала Алянский изложил в письме к Блоку от 19 февраля 1919 г.: Первоначальная мысль: интимный круг лиц, интимная тема, останется, вероятно, мыслью, так как журнал не будет жизненным, не будет иметь материала (< . . >) Мне кажется, что физиономия журнала должна складываться самой жизнью. В зависимости от того, как будет „Мечтатели“ воспринимать то или иное явление жизнью, будет определяться и путь журнала. История и будущее поколение будет искать по разным документам, что и как переживали в эти дни люди с острейшим госприятием, люди, одаренные талантом передачи этих восприятий? „Двенадцать“ Вы уже сказали, что Вы могли бы сказать в тысяче различных „Двенадцати“, и каждое из них было бы бесконечно дорого, так как газетные фактики, статеечки и



С. В. САБАШНИКОВ
Фотография, 1900 г.
Частное собрание, Ленинград

фельетончики жизнь сотрет, а художественные произведения — никогда. Преступление, когда Вы, художники, призванные украшать жизнь, молчите <...>

Мне хочется только сказать, что „Записки мечтателей“ потому и называются „Дневниками писателей“, что писатель на этих страницах записывает то, что привлекло его внимание. Почему впечатление от театра или книги менее ценно, чем впечатление от боя или бури? Почему впечатление уличной встречи менее ценно впечатлений растительной природы? <...>

Революция все перепутала. Голод прибирает всех к рукам, и очень трудно с ним бороться, но ведь бороться придется все равно — будь то в „коллектив“, на улице или в кабинете.

„Записки мечтателей“ допускают на своих страницах все, что от „мечтателей“ — вот физиономия (полагается, что мечтатель — художник). Только существование „Записок мечтателей“ и будет оправдано, когда художники займутся своим делом»⁴⁶.

Один из авторов «Записок мечтателей», старейшая советская поэтесса Надежда Александровна Павлович вспоминает об издателе журнала Алянском и его взаимоотношениях с Блоком: «Самуила Мироновича Алянского я узнала летом 1920 г. Познакомилась я с ним у Алек-

сандра Александровича Блока. Первое впечатление от Алянского — глубокая, тихая и чистая преданность Блоку, удивительная скромность и в то же время свобода, никакого наигрыша, никакой фальшивой ноты. Всегда в разговоре с Александром Александровичем были у Алянского чувство духовной дистанции и трогательная любовь. Может быть, поэтому Блоку было легко с ним. И мать, и жена поэта были спокойны, если Алянский был с ним.

Я думаю, что наиболее точно можно сказать об их отношениях — они по-настоящему верили друг другу. Общим их делом было издательство „Алконост“ и его детище „Записки мечтателей“. Блок был душой и основным идейным вдохновителем этого дела, Алянский — организатором и исполнителем, умным и сердечным. Это было не рабским подчинением неоспоримому для Самуила Мироновича авторитету, а живым творческим воплощением общих для них обеих идей. „Записки мечтателей“ — это записки мечты и внутренней свободы, приемлющие тогдашнюю радостную и грозную жизнь, отбрасывающие все механическое, мертвое, условно-литературное <...>

Для себя я считаю величайшей честью участие в „Записках мечтателей“. Мои стихи отдал туда Блок, и мои же стихи — номинальные — были напечатаны там в номере, посвященном его памяти.

Александру Александровичу хотелось, чтоб сотрудники „Алконоста“ могли бы в издательстве встречаться друг с другом для обмена мыслями и впечатлениями. Ведь старое литературное общение рухнуло. „Башня“ Вячеслава Иванова, в которой собирались поэты до революции, была бы в эти годы невозможна по самому своему характеру, стилю и даже бытовым условиям. Она уже в 20—21 г. стала историей. В какой-то мере прежний общий язык, объединявший даже в разногласиях, был потерян, и даже был ненужен. Со многими Блоку уже не о чем было говорить. И в „Алконосте“ были разные люди, но, и расходясь, они внутренне перекликались. Одно такое редакционное собрание было зимой 1921 г., но дальше планов дело не пошло.

Мои отношения с Алянским не были близкими, но теплыми. Память об Александре Александровиче и в старости согревала наши встречи. Помню я целый куст светло-лиловых цветов, который принес мне Алянский на мои именины в 1920 г., помню я и наши встречи в Доме творчества в Дубулты, где оба мы часто одновременно отдыхали, помню радость от его бесхитростной и достойной книги воспоминаний о Блоке, где все достоверно до последнего слова.

Мне хочется еще сказать о любви и доверии к Алянскому двух самых близких к Блоку людей — его матери и его жены. Мать была спокойна, когда Алянский сопровождал куда-нибудь Александра Александровича, например, в последнюю поездку поэта в Москву. Жена, которая во время предсмертной болезни его не допускала к нему почти никого из знакомых, делала для Алянского исключение. Тем дороже его хватающие за душу воспоминания — о последних днях поэта, о том, как при нем тот уничтожил многое в своем архиве, и о донесшемся из комнаты рыданиях поэта. Только благодаря Алянскому мы можем до конца проследить эти страдальческие последние дни. И только благодаря Алянскому навеки осталось I издание „Двенадцати“ с иллюстрациями Ю. Анненкова, одобренное автором. От этой книги Блок не отрекся, как не отрекся от революции⁴⁷.

Шестой и последний номер «Записок мечтателей» был особенно дорог Алянскому. Он посвятил его памяти Блока. Алянский предпринимает огромные усилия, чтобы собрать в этот номер всех писателей, знавших и любивших великого поэта. Собрать авторов оказалось действительно нелегко, так как многих уже не было в России.

«Дорогой Самуил Миронович, — пишет издателю „Записок мечтателей“ из Берлина А. М. Ремизов 27 января 1922 г. — Ваше письмо, как видите, дошло до меня с большим запозданием; рукопись мою — память мою о Блоке — посылаю; полгода скоро, как тут, а я все пишу письма и только прошу — прошу о своих книгах, которых уже нет у меня, и о своих рукописях, которые где-то лежат; все, что казалось нам, когда зимой читали случайные газеты или заглядывали в русскую книгу, оказалось пухом: в сущности говоря, нет ни издательств, ни газет, ни театра, а если и издают, то дрянно — купил Гоголя — ну что это такое! — у Ефрона⁴⁸ ничего, но медленно (<...>»

Все, что попадаетея об А. А. (Блоке), все собираю; прошу и парижан, и латвийцев, и немцев⁴⁹.

Труды Алянского не пропали даром. «Записки мечтателей» были тепло встречены критикой. «Третья глава „Возмездия“ Блока и вступление к поэме „Младенчество“ Вяч. Иванова принадлежат к страницам вполне достойным этих прекраснейших поэтов, — оценивал М. Кузмин второй и третий номера „Записок мечтателей“.— То же можно сказать и о рассказах Ремизова, лучших за последние годы⁵⁰. «Для характеристики неоромантических кружков начала XX в. мемуары Белого будут играть ту же роль, что и соответствующие главы „Былого и дум“ Герцена для характеристики идеалистов 30-х годов», — отмечал критик А. Цинговатов значение воспоминаний А. Белого о Блоке, напечатанных в шестом номере «Записок мечтателей»⁵¹.

Одним из последних изданий «Алковоста» был сборник «Серапионовы братья», представивший целую плеяду замечательных советских писателей. В 1923 г. «Ал-



М. В. САБАШНИКОВ
Фотография, 1918 г.
Частное собрание, Ленинград



БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ

Одесса. 1918 г.
Обложка

Собрание Е. М. Голубовского, Одесса

коност» прекратил свое существование. «Издательство „Алконост“ соединило в последний раз голоса символистов вокруг памяти Блока,— пишет Федин,— бывшего редко идейным центром символизма, но сближавшего его представителей силой своего чувства и своим человечнейшим обликом»⁵².

Алянский задумал «Алконост» ради Блока, в выпуске произведений Блока была главная цель его существования. Недаром критик Георгий Альмединген писал после смерти Блока о журнале «Записки мечтателей»: «Андрей Белый в первой, „программной“, вступительной статье (№ 1 „Записок мечтателей“) писал об основанной в наши дни „Коммуне мечтателей“, т. е. братстве свободных мечтателей, не равных по индивидуальности. И настоящим „первым среди равных“ этого братства, пленившим их нежным обаянием своей „индивидуальности“, был до последнего часа своего — Блок. „Властителем дум“ мечтателей стал везде и всюду Блок: журнал родился и жил под благодатным знаком Блока. И когда умер Блок, птица — Печаль, Алконост, пропела скорбную песню о кончине его (см. № 4 „Записок мечтателей“). Но братству оставил он завет — жить. Вспоминают мечтатели часто о Блоке — это прошлому дань и почет. Мечтают же

о будущем только. И, нерушимо храня память о светлом Блоке среди них. — свободы и Солнца, радостных птиц и пчел желают видеть они в зеленом лесу братства. Кроны их завянут без Солнца. Но не вокруг живой „индивидуальности“ вращается теперь их мир. Некому заменить Блока»⁵³.

После смерти Блока наследница его авторских прав Л. Д. Блок заключила с Алянским договор на издание «Алконостом» всех произведений Блока как в СССР, так и за границей: «Я, Любовь Дмитриевна Блок, передаю издательству право на издание всех без исключения сочинений моего покойного мужа писателя Александра Александровича Блока, как напечатанных до настоящего времени, так еще и не появившихся в печати»⁵⁴.

По свидетельству К. Г. Паустовского, Алянский взял на себя также негласное обязательство содержать мать Блока⁵⁵. Алянский честно выполнил свое обязательство, а что касается издания произведений поэта, то после закрытия «Алконоста» «право на издание всех без исключения сочинений» Блока перешло к государству⁵⁶.

Таким образом, издательство «Алконост» было теснейшим образом связано с творчеством Блока послеоктябрьского периода. Издательство сыграло выдающуюся роль в пропаганде творчества великого русского поэта. По словам Паустовского, «деятельность „Алконоста“ вошла в историю нашей культуры как одно из значительных ее явлений»⁵⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. В. Сабашников. Воспоминания. М., 1983, с. 362.

² Подробнее о деятельности издательства Сабашниковых см. в кн.: С. В. Белов. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974.

³ ГБЛ, ф. 261, карт. 7., ед. хр. 64.

⁴ Там же, карт. 3, ед. хр. 9.

⁵ П. Мартынов. Юбилей И. Д. Сытина. — «Речь», 19 февраля 1917 г., № 47.

⁶ ГБЛ, ф. 261, карт. 13, ед. хр. 4, 6, 14, 15, 19, 20, 21.

⁷ Там же, карт. 7, ед. хр. 32, 41, 47; карт. 8, ед. хр. 7, 98.

С К И Ф Ы

Милльоны—нас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы мы! Да, азиаты мы,

с раскрытыми и жадными очами!

Для нас—века для нас—единный час.

Мы, как послушные холоны
держали щиг меж двух враждебных
рас—

монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал

и заглушал грома, лавины,

и дикой сказкой был для нас провал

и Лиссабона, и Мессины.

Вы сотни лет глядели на Восток,

копя и плавя выши перлы,

и вы, глумясь, считали только срок,

когда изгастить приток жерлы!

Вот срок настал. Крылами бьет беда,

и каждый день обиды множит,

и день придет—не будет и следа

от ваших Пестунов, быть может.

О, старый мир! Пока ты не погнб,

пока томнись мукой сладкой,

оставься, премудрый, как Эдип,

перед сбнжком с древнею загадкой!

Россия—Сфинкс. Ликуя и скорбя,

и обливаясь черной кровью,

она глядит, глядит, глядит в тебя

и с лезвистью, и с любовью!

Да, так любить, как любит наша кровь,

имкто из вас давно не любит!

Забыли вы, что в мирь есть любви,

которая и жжет и тубит!

Мы любим все—и жар холодных числ,

и дар божественных видений,

нам внятно все—и острый галльский
смысл,

и сумрачный германский теней...

Мы помним все—парижских улиц ад

и венецянские прохлады,

лимоных рощ далекий аромат

и Кельна дымные громады...

Мы любим плоть—и вкус ея, и цвет,

и душный, смертный плоти запах...

Виновны—ль мы, коль хрустнет ваш ске-
лет

в тяжелых нежных наших лацах?..

Привыкли мы, хватая под уздцы

играющих коней ретивых,

ломать коням тяжелые крестцы

и усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны

придите в мирная об'ять!

Пока не поздно — старый меч в ножны

Товарищи! Мы будем братья!

А если нет — вам нечего терять,

и нам доступно вероломство!

Века, века! Вас будет проклинать

большое позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам

перед Европою пригожей

расступимся! Мы обернемся к вам

своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!

Мы очищаем место бою

стальных машин, где дышет интеграл,

с монгольской дьякою ордою!

Но сами мы отныне вам не шит,

отныне я бой не вступим сами,

мы поглядим, как смертный бой кипит,

своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда сакрепый Гуни

в карманах трупов будет шарить,

жечь города и в церковь гнать табуи,

и мясо белых братьев жарить!

В последний раз — опомнись, старый

мир, —

на братский пир труда и мира,

в последний раз на светлый братский пир

смывает варварская лира!

АЛЕКСАНДР БЛОК.

Первое мая — символ об'единения трудящихся всего мира.

Коммунизм — наше красное знамя, и светящийся шаг лозунг — борьба.

Издание комиссии по устройству пролетарского праздника 1-го мая.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ЛИСТОВКА С ТЕКСТОМ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «СКИФЫ»

Одесса, 1919

Собрание Е. М. Голубовского, Одесса

⁸ О Барановских см. неопубликованные «Воспоминания» Е. А. Бальмонт-Андреевой в ГБЛ, ф. 374, карт. 2, ед. хр. 6 (гл. «Детство»).

⁹ ГБЛ, ф. 261, карт. 7, ед. хр. 41.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 78. См. также: «Литература и жизнь», 27 ноября 1960 г., № 141; см. также: К. М. Аз а д о в с к и й. Блок и Грильшарпер.— В кн.: «Россия и Запад. Из истории литературных отношений». Л., 1973, с. 304—319.

¹² ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 7. Однако в издательстве «Всемирная литература» переработанный перевод «Праматери», сделанный Блоком, так и не появился и впервые был опубликован только в 1933 г., в четвертом томе Собрания сочинений.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 55. См. также: А. П. Т о л с т я к о в. «Изборник» Александра Блока.— «Вопр. лит.», 1968 № 1, с. 249.

¹⁴ ГБЛ, ф. 261, карт. 13, ед. хр. 2.

¹⁵ А. А. Б л о к. Избранные стихотворения. Л.— М., 1924.

¹⁶ ГБЛ, ф. 261, карт. 13, ед. хр. 2.

¹⁷ Анализ рукописи см.: А. П. Т о л с т я к о в. «Изборник» Александра Блока, с. 248—250; см. также: Л. К. Д о л г о л о в. «Изборник» Александра Блока и вокруг него.— «В мире книг», 1976, № 2, с. 68—69.

¹⁸ Самуил Миронович Алянский (1891—1974) в конце 20-х — начале 30-х годов возглавлял «Издательство писателей в Ленинграде», а в годы Великой Отечественной войны выпускал агитплакаты «Боевой карандаш». О нем см.: С. В. Белов. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979. Об организации «Алконоста» и об участии Блока в «Алконосте» см. также: С. М. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1969; изд. 2-е — М., 1972; И. А. Чернов. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». — «Блоковский сб.», 1, с. 530—538.

¹⁹ На издательской марке стояло «Альконост». Затем ошибка в написании по указанию Вяч. Иванова была исправлена, и все остальные книги вышли под маркой «Алконост». См.: С. М. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 55.

²⁰ Юрий Павлович Анненков скончался в Париже в 1974 г. О работе в «Алконосте» и о своих взаимоотношениях с Блоком Анненков рассказал в кн. «Дневник моих встреч. Цикл трагедий», т. 1—2. New York, 1966. Об Анненкове см. также: С. М. Алянский. Об иллюстрациях к поэме А. Блока «Двенадцать». Публикация, вступит. заметка и коммент. З. Г. Миц. — «Блоковский сб.», 1, с. 443—444.

²¹ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., 1922, с. 261.

²² Там же, с. 262.

²³ Собрание Л. К. Долгополова (Ленинград).

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 2618, оп. 1, ед. хр. 24.

²⁵ А. А. Сидоров. Русская графика в годы революции. — «Печать и революция», 1922, № 7, с. 116—117.

²⁶ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 340.

²⁷ «Жизнь искусства», Пг., 5 октября 1920 г.

²⁸ Собр. Н. С. Алянской (Москва). См. об этом: И. А. Чернов. А. Блок и книгоиздательство «Алконост», с. 531.

²⁹ Собрание Н. С. Алянской (Москва).

³⁰ ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 12. См. также: И. А. Чернов. А. Блок и книгоиздательство «Алконост», с. 532.

³¹ Собрание Н. С. Алянской.

³² См. П. Витязев. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921; И. А. Чернов. А. Блок и книгоиздательство «Алконост».

³³ См. об этом: Е. Д. «Е. А. Динерштейн» Луначарский, Блок и «Алконост». — «Вопр. лит.», 1969, № 6, с. 248—250, а также книгу П. Витязева «Частные издательства в Советской России» и статью И. А. Чернова «А. Блок и книгоиздательство «Алконост», где опубликовано письмо Горького М. Лисовскому от 9 июля 1919 г., в котором Горький указывает, что книги авторов «Алконоста» имеют серьезное значение как попытка группы литераторов разобратся в ее отношении к действительности».

³⁴ С. М. Алянский. Первая встреча. — В кн.: «Творчество Константина Фединя. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединем». Изд. подгот. И. С. Зильберштейн. М., 1966, с. 439—440.

³⁵ Заявление Блока 15 января 1921 г. в Редколлегия Петроградского отделения Госиздата. Опубл. в кн.: И. А. Чернов. А. Блок и книгоиздательство «Алконост», с. 534.

³⁶ Письмо Блока 7 февраля 1921 г. заведующему Петроградским отделением Госиздата И. Ионову. Черновик письма хранится в ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 6; подлинник — в собрании М. С. Лесмана (Ленинград).

³⁷ Запись Чуковского в мае 1961 г. в альбоме, посвященном 70-летию со дня рождения Алянского. — См. прим. 29.

³⁸ Собрание Н. С. Алянской. Впервые опубликовано нами: «Нева», 1976, № 3, с. 219—220. См. также наст. том, кн. 3.

³⁹ М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 266.

⁴⁰ ГБЛ, фонд К. И. Чуковского.

⁴¹ Там же.

⁴² Собрание Н. С. Алянской.

⁴³ Собрание Н. С. Алянской.

⁴⁴ Из беседы В. Н. Орлова с автором наст. статьи.

⁴⁵ Собрание Н. С. Алянской. Впервые опубликовано нами: «Байкал», 1976, № 2, с. 144—145.

⁴⁶ ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 21.

⁴⁷ Письмо к автору данной статьи от 13 апреля 1976 г. См. также: Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке (публикация З. Г. Миц и И. А. Чернова). — «Блоковский сб.», 1, с. 446—506. Автор данной статьи записал выступление М. С. Шагинян на вечере памяти Алянского в ЦДРИ 12 марта 1977 г.: «Всю жизнь я думала о смерти Блока. И вот сейчас, в конце своей жизни, я поняла, почему Блок, умирая, не хотел видеть никого из друзей и родных (кроме Л. Д. Блок), а только одного Алянского допускал к себе. Смерть — это великая тайна. Жизнь каждого человека неповторима, смерть — тоже. Жизнь и смерть творческого гения — тем более неповторима. Алянский единственный, кто понял, что Блок умирает, что Блок на пороге великой тайны. И поняв это, он, в отличие от друзей и родных Блока, не стал сюсюкать или утешать его. Он просто молчал. И Блок был благодарен ему».

за это молчание, за то, что Алянский не мешает ему постигать великую тайну перехода в другой мир. И мы должны быть всегда благодарны Алянскому за то, что он дал возможность Блоку быть одному на пороге смерти».

⁴⁸ Один из основателей немецко-русской издательской фирмы «Брокгауз — Ефрон» Илья Абрамович Ефрон скончался в 1917 г., а его издательство продолжало существовать в Берлине и Ленинграде до 1929 г.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 9.

⁵⁰ М. Кузнецов. Мечтатели.— «Жизнь искусства», Пг., 1921, № 764—766, 29 июня — 1 июля.

⁵¹ «Печать и революция», 1922, № 7, с. 298.

⁵² К. А. Федин. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., 1967, с. 93.

⁵³ «Книга и революция», 1922, № 8, с. 22—24.

⁵⁴ ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 88.

⁵⁵ Записано со слов Паустовского племянником издателя, писателем Ю. Л. Алянским. Пользуясь случаем, приношу ему благодарность за ознакомление с этим документом.

⁵⁶ Копия договора Л. Д. Блок с Госиздатом: ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 88.

⁵⁷ Запись Паустовского в мае 1961 г. в альбоме, посвященном 70-летию со дня рождения Алянского.— Собрание Н. С. Алянской.